

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Валерий Ковалев

18+

ЧИСТИЛЬЩИК

Валерий Ковалев

Чистильщик. Повесть

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ковалев В. Н.

Чистильщик. Повесть / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Демобилизованный из органов военной контрразведки «СМЕРШ» капитан Николай Исаев возвращается на родину, в послевоенный Львов. Узнав о смерти родителей в оккупации, возвращается на службу в органы и назначается командиром опергруппы по зачистке освобожденных территорий от банд украинских националистов. Проведя ряд успешных операций, назначается в центральный аппарат МГБ Украины, принимая участие в разработке и захвате лидера бандеровского подполья на территории СССР - Кука. Далее Исаева переводят в Москву, там он получает задание организовать ликвидацию нацистских преступников Ребета и Бандеры, скрывающихся на территории ФРГ. После выполнения отзывается в Союз, где в период Карибского кризиса принимает участие в особо секретной операции «Анадырь» и ликвидации американской резидентуры на Кубе. События, изложенные в повести - реальные, использованы документальные материалы и воспоминания участников. Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Чистильщик. Повесть

Автор выражает благодарность за помощь в написании повести, ветеранам военной контрразведки СМЕРШ старшему советнику юстиции Тихому Юлию Васильевичу и капитану 1 ранга Меркурьеву Виктору Николаевичу.

Глава 1. Дорога на восток

Под рубчатыми колесами пылил грейдер, справа, за кюветом, темнел сосновый бор, небо было голубым и высоким.

Мотоцикл, урча, брал пригорки, с белыми россыпями ромашек, скатывался в тенистые прохладные долины, исправно наматывая километры. Именовался он «Цундап», был защитного цвета и с коляской, на которой в свое время крепился турельный пулемет. В ней, часто дыша и высунув язык, сидел чепрачного окраса пес с ошейником.

– Потерпи, Рекс! – прокричали сверху. – Вон впереди бочаг, щас остановимся, попьешь водички!

Мотоцикл, убавив ход, скатился в зеленую, поросшую осинником низину, где подвернул к небольшому прозрачному озерку, за которым темнела засохшая сосна, и, уркнув в последний раз, остановился. Овчарка выпрыгнула из коляски, в три маха достигнув воды, стала жадно лакать, а ее спутник, шагнув с подножки, раздернул ремешок фуражки, снял ее, и повесил на рукоять газа.

Был он молод, выше среднего роста и широк в плечах, с чуть волнистыми русыми волосами, серыми глазами и наметившимися складками у рта.

Внимательно оглядев местность (опасений та не вызвала), расстегнул пояс, с висевшей на нем тяжелой кобурой, положил на бензобак. Потом снял через голову гимнастерку с погонами капитана и двумя нашивками за ранения, определив туда же, а последними, запывлившиеся хромовые сапоги, вместе с летними портянками.

Оставшись в белой нательной рубаше с бриджами*, вынул из кармана портсигар, закурил и уселся на траву, привалившись спиной к коляске.

Звали капитана Николай Исаев, совсем недавно он был офицером военной контрразведки.

Родился Николай в Сибири, где его родители-геологи, искали алмазы. Отец был родом из Донбасса, а мать – киевлянка.

Все детство провел с ними в экспедициях, научившись ходить по карте, скакать на якутских лошадях, метко стрелять из винтовки и карабина. Затем были Средняя Азия и Кавказ, откуда семья переехала на Украину. Там сын поступил на геологический факультет Киевского университета, а родители, получив квартиру во Львове, занялись изысканиями в Карпатах.

Когда же с третьего курса его призвали в РККА*, попросился в пограничники.

– Почему именно туда? – поинтересовался военный комиссар, с двумя шпалами* в петлицах.

– Я «Ворошиловский стрелок», могу ходить по тайге, пустыне и горам, к тому же неплохой наездник.

Прошью удовлетворили, и Николай попал в Западный пограничный округ.

Войну начал сержантом на Буге, а когда все заставы погибли, вышел в числе немногих к своим, где продолжил службу в полковой разведке, сначала командиром отделения, а потом

взвода. К сорок третьему досрочно получил старлея (имел два десятка ходок за линию фронта, исправно таская языков) и был переведен в СМЕРШ*.

После месячных курсов Исаева определили в подвижную группу, чистившую прифронтовую полосу от диверсантов, немецких пособников и агентов Абвера*. Когда в одном из боестолкновений ее старший погиб, назначили на его место.

За ликвидацию вражеской резидентуры, к уже имевшимся наградам, получил наградной «вальтер» от начальника ГУКР СМЕРШ Абакумова.

Свой боевой путь капитан закончил в Праге (до Берлина не дошел), где, в начале июня, попал в «историю». Избил пьяного майора – политотдельца*, пытавшегося изнасиловать чешку. Тот, как говорят, «отмазался», Исаеву светил трибунал, но помог случай.

Началась демобилизация, и начальство, под шумок, уволило капитана в запас по сокращению штата, выдав продовольственный аттестат, денежное содержание и паек на трое суток.

Кроме того, Николай получил в качестве трофея «Цундап», захваченный при ликвидации подвижной группы диверсантов. На этот счет имелся специальный приказ Главковерха, по которому младшим офицерам, разрешилось вывозить из Германии в качестве трофеев мотоциклы, а старшим и генералам – легковые автомобили.

Следовавшего с ним в коляске четвероногого друга, капитан подобрал щенком чуть больше года назад, умиравшим с голоду в брошенном немецком окопе. На границе у него была служебная овчарка, погибшая в бою, и Исаев взял найденныша себе, дав прежнюю кличку.

Пройдя у нового хозяина дрессировку, Рекс стал надежным помощником: брал и уверенно держал след, принимал участие в операциях и как-то лично задержал парашютиста с рацией, порвав так, что на фашисте живого места не осталось.

А еще пес имел боевое ранение. Во время одной из зачисток в Польше, осколком гранаты, ему отсекло треть уха.

Теперь Николай возвращался во Львов, до которого было семь сотен километров.

Утолив жажду, пес вернулся к хозяину, просительно уставившись на него янтарными глазами.

– Гуляй, – улыбнулся тот, и овчарка умчалась в лес, мягко и бесшумно.

Докурив беломорину и по привычке сунув окурочек в траву, капитан, сняв рубаху, с галифе, и наручные часы, направился к озерку. Мускулистый торс, со звездчатой отметкой на спине и рваным шрамом под ключицей, был молочно – белым, лицо, с кистями рук, загорелыми.

Войдя в прохладную воду по колено, наклонился, поплескал ее на голову и грудь, а потом, фыркая, обернулся.

С берега на Николая смотрел зрачок шмайсера*.

– zu mir, – сказал державший его в руках человек, в кепи с длинным козырьком и пятнистым комбинезоне. Второй такой же, со штурмовой винтовкой* навскидку, стоял у мотоцикла.

«Надо же так лопухнуться» – мелькнуло в голове. Чуть подняв ладони, побрел навстречу. Когда вышел из воды, немец приказал, – halt!

Остановился.

– Sind Sie Offizier? – прокаркал второй, кивнув на гимнастерку. Капитан молчал, затравлено обводя их взглядом.

В следующий миг, из-за «Цундапа» тенью взвилась овчарка и обрушилась на того, что с винтовкой. Автоматный ствол дернулся в сторону, Николай прыгнул вперед, рубанув немца ребром ладони, чуть выше уха.

– Хэк, – дернул тот головой и завалился на бок.

Вывав автомат, бросился ко второму. У того из разорванного горла, в траву наплывала кровь. Рядом, вздыбив шерсть на холке, злобно урчал Рекс.

– Молодец, – сказал, тяжело дыша, Исаев. – Охраняй (показал на второго)

Овчарка, рыкнув в последний раз, скользнула к немцу и, положив голову на лапы, улеглась напротив. Капитан, направился к мотоциклу, натянул галифе и вернулся.

Положив рядом шмайсер, присел на корточки, раздернул на лежащем комбинезон. Под ним серебристо блеснули руны* на черном, в перхоти, вороте.

– Эсэсовец (скрипнул зубами), после чего снял у того с плеча кирзовую полевую сумку на тонком ремешке. Внутри оказались газета «Красная Звезда, начатая пачка папирос «Пушки», удостоверение офицера РККА и две красноармейских книжки.

Развернул удостоверение. На фото молодое курносое лицо, в гимнастерке с двумя медалями, а в графах «Лейтенант Макаров Николай Иванович. Командир взвода охраны линейной комендатуры в/ч 4620».

Книжки принадлежали старшему сержанту Приходько Степану Осиповичу и рядовому Джанибекову Батыру.

– Так значит, все воюешь, гад? – сказал капитан открывшему глаза эсэсовцу. После чего взял в руки автомат, – aufstehen!

Немец, что-то хрипя, с трудом поднялся. Тишину леса разорвала очередь. Когда эхо от нее стихло, Рекс подошел к телу, обнюхал и задрал заднюю лапу.

Эсэсовцев Исаев ненавидел всеми фибрами души.

Когда летом 41-го, еще с тремя пограничниками и приставшим к ним десятком красноармейцев выходили из окружения, в лесном массиве под Тернополем, за прорванной немцами линией обороны, наткнулись на остатки полевого госпиталя.

Всех раненых с врачами, расстреляли в упор и искромсали штыками, а у двух изнасилованных медсестер, отрезали груди. Рядом с одной валялся забытый кинжал, с гравировкой на клинке «Meine Ehre heisst Treue» и чем-то вроде молний на рукоятке.

Здесь же эти нелюди и жрали. На соседней полянке с родником, истоптанной сапогами, были разбросаны обертки от галет и консервные банки.

Очередной раз, Исаев столкнулся с ними уже в разведке. Возвращаясь из ночного поиска с «языком», группа заплутала, и под утро вышла к небольшому Полесскому* селу. Между ним и залегшими на опушке густого ельника тремя разведчиками, дымилось легким туманом озеро. Исаев хотел послать в село бойца, чтобы определить место, но не успел.

По дороге оттуда, к водоему, запыхавшись бронетранспортер со знакомыми молниями на борту, а за ним, крытый тентом грузовик.

На другом берегу они остановились, донеслась лающая команда, после которой из кузова выпрыгнули солдаты. Гроыхнул задний борт, и вскоре у уреза воды стояли два десятка селян: женщин, стариков и детей. Самых маленьких, матери держали на руках.

Из кабины вышел офицер в фуражке с высокой тульей и черной униформе, став напротив, зачитал какую-то бумагу. А после, отойдя в сторону, махнул рукой.

– Ду-ду-ду-ду! – задробил станковый пулемет бронемашину, глуша крики ужаса и боли. Когда все было кончено, солдаты из винтовок добились раненых, заурчали моторы, и палачи отправились назад.

В бессильной ярости разведчики сжимали кулаки, у Николая из прокушенной губы, скатилась рубиновая капля...

Тряхнув головой, и отбросив ужасное видение, капитан направился к мотоциклу. Вскоре он рокотал дальше, в лицо упруго бил ветер.

Когда шар солнца наполовину скрылся за горизонтом, а на землю опустились вечерние тени, «Цундап» въехал на каменный, с парашютом мост, пересекавший реку, за которой раскинулось небольшое местечко. С указателем «Чески брод», шпилем костела в центре и россыпью красных, черепичных крыш.

У опущенного шлагбаума за мостом, мотоцикл остановился, вышедший из будки конопатый ефрейтор, проверил у Исаева документы.

– Значится домой, товарищ капитан? – вздохнул возвращая.

– Получается так, – застегнул нагрудный карман Николай.

– А мне еще трубить два года.

– Это почему?

– Приказ такой вышел, нам зачитывали. Кто не дослужил срочную до войны, обязан дослужить. Фронт не учитывается.

– Соболезную, а где у вас тут комендатура?

– В центре, рядом с костелом.

– Ну, бывай, солдат, – выжал сцепление Николай, и мотоцикл тронул с места.

Миновав утопавшую в садах окраину, а за ней перекресток с грустным ангелом на пьедестале, выехал на мощеную брусчаткой площадь, где на лепном фасаде третьего от костела особняка, висела жестяная вывеска «Комендатура».

У входа, скучал молоденький боец в обмотках и с карабином, под окнами стоял легковой «Опель» и американский «студебеккер». Заглушив мотор с ними рядом, Исаев слез с сиденья, бросив овчарке, – охранять, козырнув вытянувшимся часовому, вошел внутрь.

В гулком прохладном вестибюле, за деревянной перегородкой, сидел дежурный с погонами старшины, что-то записывающий перьевой ручкой в журнал.

– Я бы хотел видеть коменданта, – остановился у перегородки Исаев.

Старшина поднял на него глаза, – ваши документы. Внимательно прочтя, вернул, – поднимитесь на второй этаж, вторая дверь справа.

Поднялся, постучал в нужную дверь и вошел.

В кабинете у двух тумбового стола, под портретом Сталина, лет сорока майор кого-то отчитывал по телефону. – ...а я тебе сказал, еще раз проверь! Как так не приезжали? Офицер и два бойца, это тебе не иголка в сене!

С последними словами бросил трубку на рычаг, недовольно обернулся.

Кряжистый, и бритый наголо, он чем-то напоминал Котовского. На старого образца габардиновой гимнастерке, алели ордена «Красного Знамени» и «Отечественной войны» первой и второй степени.

– Интересно, как эта тыловая крыса могла такие заслужить? – подумал Николай, а вслух спросил, – вы будете комендант?

– Я, – последовал ответ. – Майор Гулеватов.

– Мне кажется, вы Их ищите, – пройдя вперед, снял Исаев с плеча полевую сумку и положил на стол.

Комендант взял ее, расстегнул клапан.

– Да, это мои люди, – сказал, поочередно развернув удостоверение и книжки. – Кто вы такой и где взяли?

Исаев, представившись, рассказал, как все было.

– Место показать можете? – кивнул Гулеватов на пришпиленную к стене карту.

– Могу, – ответил Николай, и они подошли к карте. – Примерно здесь, – уткнул палец в пункт, дороги. – Там сбоку небольшое озерко с засохшей сосною.

После этого майор пригласил сесть, а сам снял трубку второго телефона, полевого.

– Зайди, – коротко сказал, и опустил на место.

Через несколько минут в дверь вошел старший лейтенант, ровесник Исаева.

– Значит так, – хмуро взглянул на него майор. – Макаров с Приходько и Джанибеков убиты. Готовь на шесть утра отделение солдат. Поедем искать трупы.

– Как убиты?

– Очень просто, на дороге. Вон капитан сообщил и привез их документы (кивнул на Исаева).

– Понял, – отвердел скулами офицер. – Разрешите идти?

– Идите.

Когда тот вышел, – хозяин кабинета предложил Николаю папиросу, они закурили.

– Значит, уволился в запас и следуешь домой своим ходом? – прищурился Гулеватов. – Рисковый ты парень.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – пожал тот плечами.

– А овчарка у тебя будь здоров, встав, и подойдя к одному из окон, – сказал комендант. – Это ж надо, задавить фрица. Кстати (обернулся назад) где думаешь ночевать? Могу предложить место в комнате отдыха дежурного.

– Спасибо, не откажусь, – смял окурочек в пепельнице Исаев.

После этого Гулеватов вернулся к столу, и нажал привинченную сбоку кнопку. А когда дежурный вошел, приказал разместить в ней гостя, вместе с собакой.

– И накормить не забудь. Организуй чего-нибудь с кухни.

– Слушаюсь, – козырнул старшина. – Будет сделано.

Комната отдыха оказалось довольно уютной: с двумя застеленными армейскими одеялами койками, дощатым столом с лавкой и жестяным рукомойником в углу.

– Вы пока располагайтесь, товарищ капитан, ужин сейчас будет, – сказал старшина, после чего вышел.

Чуть позже, ополоснув руки и лицо, Николай сидел на лавке за столом, с аппетитом уплетая из котелка гречневую кашу с тушенкой, запивая ее сладким чаем. Рядом с ним, на полу, Рекс чавкал такую же, из оловянной миски. Потом, сняв гимнастерку с сапогами и повесив на них портянки, капитан лег на скрипнувшую койку, закинул руки за голову и задумался.

Его уже давно мучил вопрос – живы ли родители? Когда летом прошлого года советские войска освободили Львов, он сразу же отправил им несколько писем. Те словно в воду канули.

– А может они эвакуировались до прихода немцев? – возникала мысль. – Тогда куда? Ответа не было.

Ночь была лунной, за окном мерцали далекие звезды. Проснулся капитан от чьего-то присутствия. Кроме Рекса.

Тот, ошетинившись, морщил у его койки нос, а в дверном проеме стоял комендант. С полевым биноклем на груди и в плащ палатке.

– Фу!*, – опустил Николай ноги на пол. – Место!

Овчарка процокала когтями к умывальнику, где улеглась, не спуская с незнакомца глаз, а майор, шагнув через порог, уселся на скамейку.

– Я вот о чем хочу тебя попросить капитан (взглянул на пса), собачка у тебя, насколько понимаю – розыскная. Может, съездите с нами, поможете найти тела ребят? Я в долгу не останусь.

– Да какой там долг, – махнул рукой Исаев. – Конечно, съезжу.

Спустя десяток минут, от комендатуры отъехали «опель» и грузовик, направившись в сторону моста через реку. В легковушке, помимо водителя с майором сидели капитан с Рексом; в кузове отделение автоматчиков с сержантом. Занимался рассвет, ночью прошел легкий дождь, воздух был напоен свежестью.

В машине офицеры познакомились ближе, и при этом выяснилось, что майор служит в комендатуре всего год, а до этого был комбатом и воевал на Втором Украинском*. После третьего ранения, врачебная комиссия признала его ограниченно годным, а командование определило на тыловую должность.

Через полчаса, дорога спустилась в низину.

– Вон, слева бочаг и сухая сосна, – наклонился вперед капитан.

– Давай Петро туда, – бросил майор водителю.

«Опель», а за ним грузовик, уменьшили ход, свернули с грунтовки, и, одолев неглубокий кювет, заглушили моторы. Пассажиры легковушки вышли, а спрыгнувший из-под тента вездехода сержант рывкнул, – к машине!

За ним посыпалось отделение, выстроившееся вдоль борта.

– Можете пока перекурить, Лесик, – обернулся майор к сержанту, после чего вслед за Исаевым с собакой, прошел вперед.

Немцы валялись, где и были. Один прошитый автоматной очередью, другой, с багрово – черным горлом, над которым, не смотря на ранний час, вилась зеленая мухота.

– Падаль летит на падаль, – харкнул на траву Николай.

– Это да, – согласился комендант. – Что можешь о них сказать?

– Небритые, щеки впалые – долго голодали. А еще на них нет ранцев или вещмешков, значит где-то есть убежище или схрон*. Ну а пасли они меня вон из того осинника (показал за озерко).

– После дождя собачка след возьмет? – спросил, потрепав Рекса по холке, Гулеватов. Пока ехали, он дважды угостил кобеля сахаром, что тому весьма понравилось.

– Еще как, – хмыкнул Исаев. – Очень уж от немцев костром воняет.

Вслед за этим майор проследовал к солдатам и поставил перед ними задачу: следовать за проводником цепью, не упуская из виду, с интервалом меж бойцами в три метра.

– Ну что, приступим? – спросил Исаев, когда тот вернулся.

– Давай.

Капитан подвел овчарку к убитому им фашисту, наклонившись, взял валявшееся рядом кепи и, поднес к собачьей морде, – нюхай! Та, пару раз втянув воздух, с готовностью уставилась на хозяина.

– След! – приказал тот.

Рекс, уткнувшись носом в траву, крутнулся на одном месте и уверенно потрусил за озерко. Сзади слышалась команда сержанта, отделение быстро развернулось в цепь закладывали затворы ППШ*

– Вроде ничего ребята, шустрые, – мелькнуло в голове, у поспешившего за овчаркой Николая.

Под сосной она на секунду остановилась (в жухлой хвое белел окурок), а затем заюлила меж осин дальше. А когда поднялась на склон, нырнула в дремучий бор. Там Рекс пару минут обождал ускорившую ход группу, и той же мелкой трусцой, низко опустив нос, двинулся дальше, параллельно дороги.

Поводок, сдерживавший его в поиске, Николай давно не использовал. Умный пес ускорился только по его команде.

В бору, с уходящими в небо рыжими стволами соснами, был полумрак, изредка прорезаемый первыми лучами солнца.

Спустя минут двадцать (запыхавшийся майор приотстал), но цепь ходко двигалась дальше, впереди открылась старая, поросшая кустами просека. За одним из них, стояла армейская повозка на резиновом ходу, в оглоблях которой, на боку лежала лошадь.

Подбежав туда, Рекс остановился и довольно высунул язык

– Хороший мальчик, – смахнул с лица паутину Исаев, а бежавшие следом бойцы, окружили место. Когда, тяжело дыша, подошел Гулеватов, капитан спросил, – повозка ваша?

– Ну да, трофейная – сунул майор в кобуру ТТ*. – Я на ней отправил в Прагу Макарова с бойцами. Получить на складе продукты для личного состава.

Что за черт? – уставился на лошадь. У першерона* отсутствовала задняя нога с частью крупа.

– Судя по всему, отрубили саперной лопаткой и унесли с собой, – присел на корточки капитан. Ну а ребят где- то поблизости прикопали.

После этого он встал, снял с плеча захваченную сумку лейтенанта и дал ее обнюхать Рексу.

– Ну а теперь ищи, – махнул рукой в ту часть просеки, откуда вели следы повозки.

Овчарка, снова опустив вниз морду, пробежала десяток метров по ним, затем вернулась и запрыгнула в повозку. Там, обнюхав рыжие пятна на дне, соскочила вниз и нырнула в молодой ельник, откуда басовито гавкнула и замолкла.

В неглубокой, со старой листвой промоине, лежали трупы офицера и солдат, босых и с выколотыми глазами.

– Мало, что убили, так еще и поизмывались, гады, – скрипнул зубами Гулеватов. – Лесик! (обернулся назад).

– Я! – подбежал сержант

– Немедленно достать, и пошли к водителям бойца, чтобы подогнали сюда машины. Вскоре накрытые плащ-палаткой тела, покоились на траве.

– А теперь, капитан, желательно прищучить остальных фрицев, – сказал, глядя на них майор. – Насколько понимаю, остались еще несколько.

– Да, судя по всему, действовала группа. Так что попробуем, – ответил Николай и принялся изучать следы у телеги. Все это время бойцы находились в оцеплении и к ней не приближались. Овчарка же сидела рядом, изредка поводя ушами.

– Тут были пятеро, – сказал, закончив осмотр Исаев. – После нападения на повозку, трое ушли с грузом, а двое продолжили охоту. Ну а с учетом, что у лошадей стойкий запах, отыскать оставшихся будет не сложно. Только теперь «цепь» без надобности. По сторонам два бойца в охранении, всем остальным, за мной с Рексом

Услышав свою кличку, тот зевнул и ловко цапнул шмеля, пролетавшего у носа.

Затем, капитан дал овчарке понюхать место отруба на крупе, с потеками застывшей крови. Поиск возобновился. Сначала кобель уверенно вел группу по просеке, с пружинящей хвоей под ногами, затем снова свернул в бор.

Когда солнце достигло верхушек сосен, бор закончился, вышли к луговине. С двух сторон ее окаймляла березовая роща, а позади высился, густо поросший цветущим вереском*, холм.

На лугу, в сотне метров от опушки, у подножия холма серела провалам окон бетонная коробка, с остатками крыши. Рядом с ней ржавело что-то вроде паровой машины, а чуть дальше зеленели мхом, штабеля бревен.

– Заброшенная лесопилка. Там они, скорее всего и отсиживаются, – сказал глядя в бинокль Гулеватов. Справа и слева от него с Исаевым, рассредоточившись, залегли бойцы.

– Только в лоб и с флангов, скрытно не подойдешь (продолжил).

– У меня есть соображение, – пожевал травинку капитан.

– Излагай.

– Вон на той горке, – показал Николай пальцем на холм, – у них может сидеть наблюдатель.

– Это да, я бы точно поставил, – чуть выше поднял бинокль майор.

– Ну, так вот, мы с собачкой на него тихо заберемся, если есть – снимем. А затем сверху закидаю коробку гранатами. Ну а вы с первым разрывом туда, добивать, если кто живой останется.

– Дельная мысль, – согласился бывший комбат. – Принимается.

Спустя еще час, обойдя холм с тыла, капитан, под монотонный гул пчел, в соцветиях вереска, осторожно полз вверх по склону. Сбоку, на полусогнутых лапах, крался Рекс. В левой ладони Николай сжимал финку, карманы бриджей оттягивали две «феньки»*.

Достигнув верха и затаив дыхание, он осторожно выглянул из-под куста – в паре метрах впереди, тускло блестели шипы солдатских ботинок. Немец в кепи, полулежал за вороненым

МГ*, со вставленной в патронник змеистой лентой и, глядя вдаль, тихо напевал песенку «Лили Марлен».

В следующий момент Исаев взвился в воздух, обрушившись тому на спину, дважды всадил в бок финку. Песня оборвалась на полуслове, фашист напряжился, а потом обмяк.

Обождая еще несколько секунд и вдыхая запах кислого пота, Николай вытер о мундир немца лезвие ножа, сполз с тела и шепнул возникшему рядом кобелю, – тихо. Затем, подавшись чуть вперед, заглянул вниз.

Бетонная коробка находилась метрах в сорока и хорошо просматривалась.

Под одной из стен, на сосновых ветках, накрывшись пятнистыми плащ-палатками, дрыхли трое, а у противоположной, двое, усевшись на ранцы, играли в карты. В центре, у подobia очага, еще один, обгладывал здоровенный мосол.

– Да, Рекс, – поглаживая овчарку по затылку, – бормотнул капитан. – Их тут целое кубло*.

Достав гранаты из карманов, прикинул расстояние, – не добросить. Покосился на пулемет. Сбоку от него лежала брезентовая сумка с тремя «колотушками»*. Эти в самый раз.

Подполз, вынул, отвинтил на деревянных рукоятках колпачки, приподнялся на локтях и, поочередно выдергивая шнуры, метнул внутрь коробки. Когда последняя еще крутилась в воздухе, первые две, с оглушительным грохотом, взорвались, в клубах пыли раздались вопли.

– Что и требовалось доказать, – передернул Исаев затвор МГ и стал всаживать туда очереди. А с опушки леса, развернувшись в цепь и на ходу ведя огонь, к лесопилке рысили бойцы во главе с майором.

Когда, прихватив пулемет, он с овчаркой спустился вниз, все было кончено: среди бетонного крошева, посеченные осколками, валялись все шестеро.

– Да, капитан, ловко ты их, – утирая со лба пот, прохрипел майор. – Чувствуется хватка.

– Есть немного, – ответил Николай, аккуратно прислонив МГ к стенке.

– Получается, был наблюдатель? – взглянул на него Гулеватов.

– Получается.

– Товарищ, майор! – крикнул от дальнего угла сержант. – Здесь баба!

Обходя подплывающие кровью тела, они с Исаевым направились туда. У стены, в черном мундире и галифе, вверх лицом лежала молодая женщина с золотистыми волосами.

– Красивая сучка, – обернулся сержант. – А вон, рядом, не иначе генерал.

В метре от нее, с разбитой головой и парабеллумом в руке, скрючился немец с витыми погонами на плечах и дубовыми листьями в петлицах.

– Группенфюрер СС, по нашему генерал-лейтенант, – подтвердил Исаев.

– Важная птица, – изрек комендант. – Значит так, Лесик. Его и всех остальных гадов обыскать, документы с оружием собрать. Пошли на свежий воздух, капитан (оба вышли)

Усевшись в тени на бревно, закурили. Рекс, устроившись рядом, стал выкусывать из хвоста репейники.

Вскоре бойцы принесли и брякнули рядом на траву три шмайсера, штурмовую винтовку, пистолеты в кобурах и две сумки с гранатами. А еще пухлый саквояж, да несколько походных ранцев.

– Документов у них нет, только эта планшетка, – протянул сержант Гулеватову глянцевою, с тонким ремешком, сумку.

– Тэкс, поглядим, – отстегнул клапан комендант.

Внутри имелись бритвенный прибор, компас, два, остро заточенных, в петельках, карандаша и потертая на сгибах карта. Развернули. На ней, от польского Катовице, по лесам, к чешскому Карлсбаду, шла тонкая, пунктиром, линия.

– Издалека пробирались, – хмыкнул майор. – Но почему именно туда?

– Думаю, хотели уйти в американскую зону оккупации, – чуть помедлил Николай. – Ну а там легализоваться* или сдать.

– Открой – ка их вещи, – приказал Лесику Гулеватов.

Предположение Исаева оправдалось: в обшитых телячьей кожей ранцах обнаружилась мужская гражданская одежда, а в саквояже женская. А еще в них были два десятка золотых слитков, с имперским клеймом в виде орла, хищно раскинувшего крылья.

– Да, матерые зверюги нам попались, капитан, – взвесил один на руке комендант.

Спустя короткое время, прихватив с собой трофеи, группа двигалась тем же путем обратно.

Вечером Исаев с Гулеватым, пили в его кабинете водку за погибших ребят, недолго переживших Победу. А когда закурили по очередному разу, в открытое, с запахами сирени окно, донеслась песня

Не для меня придёт весна,
Не для меня Дон разольётся,
Там сердце девичье забьётся
С восторгом чувств – не для меня.

Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня...

чуть хрипло выводил под гармошку молодой голос.

– Тоскуют по России солдаты, – вздохнул майор. – Давай еще по одной, капитан. Чтобы живыми туда вернулись.

Глава 2. Неожиданная встреча. Старый долг

Ранним утром «Цундап» снова рокотал на восток, туда, где алела утренняя заря. По обочине проплывали леса с перелесками, луга и кое-где засаженные поля, за которыми которых изредка виднелись чешские деревеньки.

На прощание Гулеватов ознакомил Исаева с рапортом на имя коменданта Праги, в котором доносил о проведенной операции, особо отмечая в ней роль капитана.

– Да ладно, – отмахнулся Николай. – Я же уже вроде как запасник*.

– Э нет, – возразил майор. – Им будешь, когда станешь на учет в военном комиссариате. Так что, тебе награда причитается. Немецкий генерал и двадцать килограммов золота, это не хухры – мухры. А рапорт я сегодня же нарочным, отправлю адресату.

Кроме того, он приказал залить бак мотоцикла и притороченную сбоку канистру бензином, а еще снабдил капитана, полным сидором* продуктов. Свои они с Рексом, подъели по дороге. На прощание комендант обнял капитана, а овчарке пожал лапу.

Заблудиться Исаев не опасался, в багажнике коляски у него имелась карта, с заранее проложенным маршрутом, а еще он сверялся с указателями, которых в Чехии было предостаточно.

Те места, где он проезжал, от войны особо не пострадали. Дороги, часто асфальтные или булыжные, были целыми, хотя и в бомбовых воронках, значительных разрушений и пожарищ в окрестностях не наблюдалось.

В полдень, мотоцикл остановились у опушенной вербами, широкой заводи, на другом берегу которой, виднелось селение. Пока остывал мотор, Николай с Рексом искупались в теплой воде и, подкрепившись свиной тушенкой с хлебом и пупырчатыми огурцами, немного отдохнули в холодке.

– Ну что, двинем дальше? – потрепал капитан четвероного друга по холке.

– Гав! – басисто ответила овчарка и потрусил к «Цундапу».

К пяти вечера они подъезжали к окраине Острава*, на которой располагалась какая-то воинская часть. У двухэтажной серой казармы стояли несколько автомобилей, а по плацу маршировал с песней взвод солдат.

– Не иначе из молодых, подумал Исаев.

Миновав часть, в город он въезжать не стал, поскольку знал, что тот разрушен налетами союзной авиации. С ними, а точнее американцами, капитан встретился в Польше, за год до исторического братания на Эльбе.

Тогда, после завершения недельного поиска и уничтожения боевки аковцев* под Белостоком, его группа отдыхала в небольшой деревне. Перед утром в хату прибежали двое селян, сообщив, что над дальним лесом пролетал немецкий самолет, сбросивший парашютный десант.

– Большой? – натягивая сапоги, спросил Исаев.

– Та не, седем особ.

Захватив с собой одного, знавшего лес, погрузились в полуторку и направились к тому месту. Лес был небольшой, его быстро прочесали, выйдя к болотцу, поросшему камышами, куда вели обнаруженные следы. Залегли.

– Дойчланд зольдатен, капитулирен! – приподнялся на локтях, капитан.

Ответом были выстрелы.

Поскольку война шла к концу и в пленных особо не нуждались, решили закидать немцев гранатами, но не успели. Исчезнувший куда-то Рекс, вернулся, притащив в зубах кожаный летный шлем в кровавых пятнах. На его левом наушнике имелось клеймо «US ARMY».

– Твою мать, – выругался Исаев. – Так то ж союзники. Отставить гранаты!

Словно в подтверждении его слов из камышей снова прогремели выстрелы, и кто-то завопил, – фак ю!

– Мы русские! – крикнул в ответ Исаев (стрельба прекратилась).

– Раша? – недоверчиво переспросил тот же голос.

– Да! Я капитан советской армии.

Короче разобрались.

А когда вернувшись в деревню, вместе пили бимбер*, закусывая салом, выяснилось, что во время ночного налета на Берлин, «летающая крепость» американцев, отбомбившись, сбилась с курса, затем кончилось горючее и они вынуждены были оставить самолет. Потом случилось то, что случилось.

Вечером за летчиками, из Белостока пришла штабная машина, а на прощание их командир, тот самый, что матерился на английском, подарил Исаеву серебряный портсигар. Со статуей Свободы на крышке и гравировкой внутри: Captain McDowel

Миновав часть, и сбавив скорость, Николай повернул на тенистую улицу с высокими липами, застроенную каменными одноэтажными домами. Она была пустынной, навстречу, по тротуару шла женщина, с сумкой в руке, рядом с которой семенил лет четырех, мальчик.

Внезапно из проулка выскочила стайка бродячих собак, и одна, рыча, вырвала сумку.

– А-а-а! – в ужасе закричал ребенок.

– Рекс, фас! – нажал на педаль тормоза капитан.

Овчарка, тенью вымахнув из коляски, вгрызлась в горло похитителя, остальные разбежались.

– Фу, – слез с сидения капитан. Рекс нехотя отпустил хрипящего пса, и тот, ковыляя, скрылся в переулке.

Исаев поднял сумку (в ней были две буханки хлеба), обернулся к женщине. Она стояла, прижав к себе мальчика, бледная, с широко распахнутыми глазами. Ровесница Николаю, незнакомка была стройной и миловидной.

Зная польский и немного чешский, офицер, протянул ей сумку, спросив, у кого здесь можно остановиться на ночь. Та, колебавшись, ответила, – у меня.

После чего, взяв сынишку за руку, пошла вперед, а капитан, развернув мотоцикл, с прыгнувшим в коляску Рексом, на малом ходу порулил сзади.

Вскоре чешка остановилась у дома с невысокими крашеными воротами, увитым плющом, и, щелкнув замком, вошла в калитку. Затем створки распахнулись, капитан въехал в мощный плитняком двор, с бетонным колодцем, за которым угадывался сад, заглушил двигатель.

Кобель тут же выпрыгнул из коляски, обнюхивая незнакомое место, а капитан, открыв багажник, извлек оттуда кожаный баул. Затем поднялся вслед за хозяйкой на крыльцо, и, чуть пригнувшись, исчез за дверью.

Изнутри дом, включавший прихожую, кухню и три комнаты, был обставлен старой, но добротной мебелью, внизу лежали половики, а на окнах белели занавески.

– Ваша комната здесь, – сказала хозяйка, пройдя в небольшую светелку.

– Сколько за постой? – вынул из кармана Николай тонкую пачку крон.

– Ничего, – тихо сказала она. – Вы нас защитили.

– Тогда я поделюсь с вами продуктами. Кстати, меня зовут Николай.

– Радка, – чуть улыбнулась женщина.

– А тебя боец как кличут? (присел офицер перед ее сыном).

Мальчик отвернулся и уткнулся в колени матери.

– Кристоф, – погладила она светловолосую головку.

Чуть позже, сняв гимнастерку с нательной рубашкой, он мылся ледяной водой у колодца. Завершив моцион, утерся вафельным полотенцем, оделся, и, причесав волосы расческой, туго затянул ремень с кобурой. Потом снова открыл багажник, достал оттуда сидор и вместе с Рексом прошел в дом.

Там, остановившись у кухонного стола, за которым Радка чистила проросшую картошку, раздернул горловину и поочередно выложил на крышку кирпич хлеба, две банки тушенки «второй фронт»*, несколько пачек пшеничного концентрата, шмат завернутого в бумагу сала, цибик чая и пачку рафинада.

– Зачем так много? – высоко вскинула брови хозяйка.

– Берите, берите, – вам пацана кормить надо.

Спустя еще час, Радка накрыла в зале стол, а Исаев, сходя в светелку, вернулся с обшитой войлоком флягой.

– Здесь ром. Выпьем для знакомства.

Рада подала два стакана. Себе капитан налил половину, ей четверть.

– Ну, чтобы больше не было войны! – протянул руку. Чокнулись. Николай выпил все, Радка тоже. Принялись за еду: жареную на сале картошку и гостинцы майора.

Не был забыт и Рекс, чавкавший на полу из миски, вареную пшенку, политую свиным жиром.

Когда все поели, Кристоф слез со стула и что-то прошептал маме ухом.

– Хочет погладить вашего пса, – сказала Радка. – Можно?

– А почему нет? – рассмеялся Николай. – Он у меня добрый. На-ка, дай ушастому сахарку, – вручил кубик рафинада мальчику. Тот взял, подошел к Рексу и открыл перед ним ладошку.

– Пес аккуратно принял лакомство, схрупал, а потом лизнул человечка в щеку.

– Ну вот, считай друзья, – взглянул на Радку Николай, и теперь рассмеялись оба.

Посидев еще немного, познакомились ближе.

Исаев сообщил, что демобилизовавшись, едет к родителям во Львов, а вот рассказ женщины оказался грустным. В сорок первом ее муж ушел на фронт, и спустя три его убили на

Восточном фронте. Осталась одна, с Кристофом. Была еще дочка, погибшая при бомбежке. В городе работы нет, живут на карточки.

Потом она принялась убирать со стола, а Исаев вышел, уселся на крыльцо и закурил папиросу. Небо хмурилось тучами, в саду шелестели листья.

Когда вернулся в дом, Кристоф уже спал, а Радка готовила ему постель в светелке. Затем, пожелав доброй ночи, вышла.

Сняв обмундирование и сунув «вальтер» под подушку, Исаев улегся в чистые, пахнувшие лавандой простыни, с удовольствием вытянув ноги. На таких, за всю войну, спать ему не приходилось.

За окном, в небе сверкнула молния, потом ударил гром, а когда его раскаты стихли, послышался шум дождя, ровный и монотонный.

– Грибной, – подумал Николай, смежив веки. Проснулся от горячих губ, закрывших рот – сбоку лежала Радка.

– Милуи те (на секунду оторвалась), и они слились в объятиях. А когда опомнились, наступило утро.

– Сейчас приготовлю завтрак, – выскользнула из постели женщина, накинула легкий халат и исчезла.

Исаев тоже встал, потянулся, а потом оделся. Прихватив полотенце с туалетными принадлежностями, вышел на крыльцо. Воздух дышал свежестью, на листьях клена в палисаднике жемчугом блестели капли, по двору взапуски гоняли мальчик с собакой.

Когда завтракали на кухне драниками* со шкварками, запивая горячим чаем, хозяйка подняла на Исаева глаза, – может останешься?

Прости, Радка, не могу, – отвел свои Николай.

Завтрак закончился в полном молчании, а когда женщина принялась мыть посуду, он, выкурив папиросу, вышел. На крыльце сидел мальчик и показывал овчарке гильзы от патронов. Та нюхала их, недовольно морща нос.

Взьерошив ему волосы, Николай спустился по ступенькам к мотоциклу, проверил давление в шинах, уровень масла в картере, покачал подвеску: все было в порядке.

– Кристоф, – обернулся к мальчику. – Передай маме, я сейчас вернусь. А ты оставайся здесь, – приказал Рексу.

Чуть позже он катил по улице в сторону города. Там выяснил у встретившегося патруля, где находится продпункт и вскоре стоял в очереди у окошка. Она была небольшой: юный младший лейтенант в новенькой форме (не иначе добирался из училища в часть), майор медслужбы и хмурый старшина, с рукой на черной повязке.

Отоварив впереди стоящих, кладовщик выдал Исаеву продпак, положенный в пути всем демобилизованным. А поскольку тот был офицер, помимо прочего выложил на прилавок две пачки печенья, три «Беломора» и бутылку водки с засургученной головкой. Полученное, капитан сложил в брезентовую сумку, застегнул клапан и вернулся к «Цундапу». Вскоре тот снова въезжал во двор дома.

Когда Николай вошел в комнату, Радка, сидя на стуле у окна, штопала детскую рубашку.

– Это вам, – опустил рядом сумку. – Подкормишь сына. И еще вот, – положил на подоконник кроны. – Они мне теперь без надобности

– Может все-таки останешься? – отложив шитье, встала женщина, а затем, прижавшись к его груди, всхлипнула.

– Я же сказал, не могу, – погладил ее по плечам Исаев, достал из кармана фигурку Будды из оникса*, величиной с орех и протянул Кристофу, – держи на память.

В полдень, оставив позади Чехию, он подъезжал к Кракову, бывшей столице Польши.

Дорога с прилегавшей к нему местностью, была изрыта воронками от бомб и артиллерийских снарядов, в кюветах, тут и там, ржавела немецкая техника, с заросших бурьяном полей, наносило легким сладковатым запахом.

Мост через Вислу был взорван, в город Исаев добрался по понтонному. В отличие от разрушенной Варшавы, Краков был почти целым. Его древние замки, соборы и дворцы не пострадали, как и жилые кварталы.

По роду прежней службы Исаев знал, что отступая, немцы готовили взрыв города, но им это не удалось, благодаря диверсионной группе НКВД*, заброшенной туда незадолго до наступления советских войск.

Миновав окраину, с оживленным движением транспорта и все еще возвращавшимися в Краков беженцами со скарбом, мотоцикл направился в сторону центра. Капитан собирался посмотреть местные достопримечательности, а затем пообедать где-нибудь в кафе или ресторане, которых, как оказалось, здесь открылось великое множество.

Деньги у него остались советские, полученные в финчасти – двадцать одна тысяча рублей, новенькими купюрами, выпуска 1944 года.

С вступлением советских войск на территорию Европы, все расходы РККА покрывались за счет так называемых, «военных денег», шедших в соотношении один к одному с местными. Причем интенданты со снабженцами, а также военнослужащие рассчитывались ими и с населением.

Экскурсию решил начать с Вевельского замка, древней резиденции польских королей, господствующей над местностью. Вскоре мотоцикл стрекотал вверх, по не менее древним улицам. Народу здесь было меньше, а транспорта вообще не наблюдалось.

Объехав по периметру грандиозное строение с крепостными стенами, дворцом и высокой, с часами башней, Исаев остановил «Цундап» на обширной, мощеной гранитом площадке, откуда открывался вид на Вислу, широкую в этом месте и полноводную.

У берега, под замком, стоял десяток советских бронекатеров, с трепетавшими на флагштоках вымпелами, по фарватеру проходила баржа.

– Да, хорошо жили короли, – немного прогулявшись с овчаркой у исторического памятника, сказал капитан. – Умирать не надо. Обозрев город сверху, определил еще достопримечательность: широкую, с архитектурными формами, площадь.

– А ну ка, Рекс, двинем туда (направился к мотоциклу).

Когда, спустившись вниз, подъехали, площадь оказалась много больше. Она была квадратной, в окружении средневековых зданий и костелов, с арочными торговыми рядами в центре, где кипел людской муравейник.

Останавливаться на площади капитан не стал – не любил шума и многолюдности, неспешно покатали дальше. Посмотрев еще несколько объектов, в том числе, бьющий у одного из дворцов фонтан, решили подкрепиться.

Для чего немного проехали по бульвару и остановились у здания с лепниной на фронтоне и большими окнами. На двери первого этажа висела вывеска «Restauracja».

– А почему нет? – подумал Николай. Как – никак, победитель.

Остановив железного коня в тени отцветшего каштана, он, заглушив двигатель, слез с седла, одернул гимнастерку и поправил кобуру, после чего, сказав выпрыгнувшей овчарке «охраняй», пошагал к двери заведения.

Внутри оно впечатляло интерьером, просторным, со шторами на окнах залом, хрустальными люстрами на потолке, а еще музыкой, льющейся с небольшой эстрады.

Оттуда, старый, в потертом костюме скрипач, исполнял полонез Огинского.

За столиками, тут и там, сидели военные, с женщинами и без, в воздухе синел табачный дым, пахло духами.

Заняв один, у стены с окнами, Николай снял фуражку, положив ее на свободный стул, и тут же рядом возник официант, изогнувшийся, – цо пан бажает?

- Горячего борща, что-нибудь из мяса да грамм триста водки.
- Маем журек*, бигос* и зубровку.
- Пойдет, – согласился капитан. – Да, вот еще что, принеси мне еды для собаки.
- Не разумею? – вскинул брови поляк.
- Какой-нибудь колбасы и хлеба.
- Добже (умчался).

Вскоре вернулся с бумажным пакетом. Там лежал круг ливерной колбасы и четверть пшеничного каравая.

– Так, я на пару минут выйду (взял его Николай), а ты носи остальное.

Рекс, грустно лежавший у мотоцикла, при виде хозяина оживился.

– Вот, – подкрепись и ты, – выложил тот на траву гостинцы.

Овчарка, вскочив, начала с колбасы, довольно пуская слюни.

Когда Исаев вернулся, на столе исходил паром душистый мясной борщ, стояла изрядная порция бигоса, и отливал янтарем графинчик.

Наполнив рюмку, он опрокинул ее в рот, взял из розетки тонкий ломтик хлеба, намазав горчицей и стал с аппетитом есть, одновременно, по привычке наблюдая, что делается вокруг.

А вокруг царило веселье, что было понятно: кончилась война, наступил долгожданный мир.

Через столик от капитана, сидели три офицера – артиллериста, в такой же, как у него, полевой форме; напротив, у другой стены – подполковник в габардиновом кителе с молодой полькой, чуть дальше, военные моряки, а также еще несколько компаний. С женщинами и без них.

Время от времени доносился смех, теперь скрипка играла что-то веселое и задорное.

Съев все и опустошив графинчик, Николай махнул рукой официанту и расплатился, отсчитав несколько новеньких купюр. А еще дал червонец на чай, от кого-то слышал, что так полагается. Потом, откинувшись на спинку стула, вынул портсигар, щелкнул крышкой и закурил, слушая очередную мелодию.

Звякнул колокольчик на входной двери, в зал вошла группа польских офицеров, при параде и изрядно навеселе.

Пройдя вперед, уселась напротив артиллеристов. Спустя несколько минут стол «жовнежей»*ломился от выпивки и закусок. Приказав официанту убрать рюмки, стали пить из стаканов. А потом, стуча кулаками по столу и заглушая мелодию скрипки, заорали

Еще Польска не згиненла,
Кеды мы жиемы.
Цо нам обца пшемоц взенла,
Шаблей одбежема!

Один из артиллеристов (старший лейтенант), попросил союзников вести себя тише, после чего к нему нетвердо прошагал польский майор. Встав в двух шагах, выхватил их кобуры парабеллум и выстрелил тому в голову – промазал. Очередной раз не успел.

Лейтенант, с побелевшими от бешенства глазами, вырвал оружие и рубанул им поляка в лоб. Тот, обливаясь кровью, повалился спиной на пол. В зале раздались женские вопли и визг (назревал скандал), вскоре появился комендантский патруль попытавшийся задержать артиллеристов.

Но, как говорится, не судьба. Тот же лейтенант, держа их на прицеле, потребовал пропустить (блюстителю устава отступили), и все трое выскочили в двери. За окнами процокали быстрые шаги, а потом стихли.

– М-да, не хилые ребята – пожевал мундштук погасшей папиросы Исаев, бесстрастно наблюдавший драму. К полякам он относился неоднозначно, к чему имелись причины.

Когда наши войска вошли на территорию бывшей Речи Посполитой*, часть ее сынов, из Армии Крайовой*, находившихся в подполье, стали совершать на освобожденной территории диверсии, а также убийства советских офицеров и солдат. Несколько таких боевиков, капитан уничтожил лично, когда служил в СМЕРШЕ.

Армия Людова*, сформированная в 1944-м году, при поддержке Москвы, тоже не впечатляла. Опыта ведения боевых действия она не имела, да и храбростью не отличалась. Местное население встречало освободителей, тоже не особо приветливо.

Так что, случившееся в ресторане, Николая не удивило. Видел много хлеще.

Когда в начале августа 41-го они вышли лесами к своим, то сразу же влились в отступавшие к Киеву, части. Двигались всю ночь, по дорогам и бездорожью. В слитной людской массе вперемешку двигались танки, орудия и повозки, а над нами, тяжело сотрясая воздух, в небе плыли волна за волной, следующие на восток армады немецких бомбардировщиков.

На западе не утихала бой, от тяжелых ударов вздрагивала земля. К переправе вышли на исходе ночи. Она была наведена из понтонов и вся запружена отступающими войсками.

В этот предутренний час, когда с минуты на минуту могли возобновиться налеты немецкой авиации, все отступающие войска старались как можно быстрее преодолеть водную преграду и укрыться в лесах на восточном берегу.

На подходе к переправе скопилось огромное количество техники и людей, среди которых царили хаос и неразбериха. Временами эта масса начинала движение, понемногу втягиваясь на мост, затем оно стопорилось и снова возобновлялось. Все перемещения колонн и разрозненно отступающих групп сопровождалось ревом моторов, ржанием лошадей, звуками команд и густым матом.

Когда бойцы, с которыми следовали пограничники, подошли к переправе, движение на ней вновь прекратилось. На середине моста стояли две закопченные «тридцатьчетверки», в двигателе одной из которых копались несколько танкистов в замасленных комбинезонах.

По виду машин было видно, что они недавно вышли из боя и находились не в лучшем состоянии. С правой стороны танки обтекали матерящиеся пехотинцы, для движения же орудий, грузовых автомашин и повозок, оставшейся ширины понтона явно не хватало.

Уже через несколько минут к танкам подбежали несколько офицеров, требуя немедленно освободить проезд. Между ними и экипажами начался бурный диалог, который был прерван звуками раздавшегося за спинами автомобильного клаксона.

Непрерывно сигналя, к месту затора подвигалась запыленная «эмка» в которой находился какой-то крупный военный чин в хромовой куртке с охраной – капитаном и двумя автоматчиками. В нескольких метрах от «тридцатьчетверок» автомобиль остановился, а незнакомый командир в сопровождении капитана подошел к экипажу.

– Старший, ко мне! (хрипло рявкнул).

Один из танкистов подбежал и, приложив руку к шлемофону доложил, – командир второй роты сорок третьего танкового полка лейтенант Краснов!

– Почему, мать твою, стопоришь ход переправы!? Немедленно убрать машины!

– Товарищ генерал, поломка в двигателе практически устранена. Через пять минут начну движение!

– Никаких пяти минут, приказываю сбросить поврежденный танк с переправы. Выпалнять!!

– Виноват, у меня приказ своего командования, вывести технику на ...

Договорить он не успел. Хлопнул выстрел, и танкист стал оседать на настил понтона. В руке генерала дымился пистолет.

– Немедленно сбросить машину с переправы! – приказал он застывшему у танка экипажу, сел в «эмку» и та, набирая скорость, понеслась в сторону правого берега.

Несколько мгновений люди в комбинезонах молча смотрели на своего мертвого командира, затем старший из них что-то бросил остальным, те быстро втащили тело в танк, и сами скрылись в люках.

Еще через секунду взревел двигатель и, сдав назад, бронированная машина сбросила своего поврежденного собрата с моста. Затем башня тридцатьчетверки слегка развернулась, орудинный ствол пошел вниз и устоялся на въезжающую на противоположный берег «эмку».

Оглушительно грохнуло, и на месте автомобиля взметнулся разрыв, в разные стороны полетели колеса. А танк, взыв мотором, залязгал по настилу на восток. Переправа возобновилась...

Выйдя из ресторана, капитан надел на голову фуражку и направился к мотоциклу, а когда стал его заводить, услышал за спиной, со стороны бульвара громкий крик, – Никола!

Обернулся.

К нему спешил польский поручик.

– Янек? Живой? – широко раскрыл глаза, и они обнялись.

В ночь начала войны, Ян Новак, близкий друг Исаева, еще с двумя пограничниками находился в секрете*. Когда заставу подняли «в ружье», и она, приняв бой, полягла – исчез. Николай считал, что сержант, погиб. А он вот, целый и здоровый.

– Ты как здесь? Да еще в польской форме, – держа за плечи, разглядывал он товарища.

– Долгий разговор, – махнул тот рукой. – Вот так встреча! А собачка, гляжу, вроде как Рекс, – кивнул на овчарку.

– Того убили еще под Бугом, – ответил капитан. – Но этот не хуже.

Словно в подтверждение его слов, кобель дважды басовито гавкнул.

– Ну, так что? Давай обмоем встречу, – лучился радостью Новак. – Знаю тут одно хорошее место. Вскоре мотоцикл, с сидевшим сзади новым пассажиром, откатил от сквера.

«Хорошее место» оказалось уютной пивной, в старой части города, имевшей открытую террасу с видом на Вислу. Судя по всему, Новака здесь хорошо знали и вскоре друзья, хлопнув за встречу по рюмке водки, под шварчащие колбаски, потягивали золотистый пильзнер, закусывая орешками.

– Значит, желаешь знать, как я здесь и почему? – заказал поручик по второй кружке. – Тогда слушай.

Если помнишь, в ту ночь со мной в секрете были Паша Золотов и Сергей Швачка. У меня «дегтярь»*, ребята с винтовками. Лежим, значит у реки, наблюдаем, соловьев слушаем.

Под утро, со стороны запада, гул самолетов. Идут на большой высоте на восток, целыми косяками. Серега говорит, – это братцы, война. А я ему, – молчи дурак, хотя и сам так думаю.

От одного отделились несколько, слышим, в той стороне, где застава – взрывы. А с другого берега, из тумана, появились надувные лодки с солдатами. Насчитали полтора десятка.

Как только достигли середины, я приказал «огонь», – половину расстреляли. Потом еще и еще, у меня даже ствол раскалился. А затем по нам ударили из минометов, второй серией накрыли.

Очухался, в ужас звон, слева Сергей, посеченный осколками – справа, без головы, Пашка. Поднял глаза, а там ствол винтовки в лоб, – ауфштейн!

Кое – как встал – рядом чужой солдат в каске. Скалит зубы и толкает прикладом, – форвертс!

Спустя полчаса, у развалин заставы, таких как я, построили человек пятнадцать, все в исподнем и пыли, видно камнями завалило. Среди них политрук Куперман с разбитыми очками.

Вперед вышел офицер и в него пальцем, – юде?

– Тот в ответ, – я коммунист, а ты пошел на х...

Политрука тут же вытащили из строя, поставили напротив и расстреляли. А один солдат, с галуном на воротнике, подошел, расстегнул штаны и помочился на тело. Офицер захлопал в ладони, – браво, другие немцы хохотали.

– Твари, (потемнел лицом Исаев).

– Слушай дальше, – продолжал Ян. – Короче, попал я в лагерь для военнопленных под Тернополем. Кормили раз в сутки, баландой из жмыха, а еще водили на работы: закапывать расстрелянных евреев из местного населения. К осени половина из нас отдала Богу душу.

Оставшихся погрузили в вагоны и отправили в польский Хелм*, откуда спустя год мне удалось бежать. В лесу наткнулся на польских партизан, а в сорок четвертом вступил в армию Людову. Теперь поручик, команду ротой.

– Да, досталось тебе, – нахмурился Исаев. А почему не вернулся на Родину?

– Не иначе зов крови, – улыбнулся Новак, – ты же знаешь, я по отцу поляк. А если серьезно – побоялся.

– Чего?

– Оказаться снова в лагерях, только теперь наших. Помнишь приказ Сталина, объявивший сдавшихся в плен изменниками Родины и призывавший уничтожать их всеми средствами, а семьи репрессировать? Его зачитывали нам на плацу в Хелме.

– Был такой, помню. Но ведь ты не сдавался, вел бой до последнего.

– А чем я теперь это докажу? – навалился локтями на стол Ян.

Николай молчал. Сказать было нечего

– Ладно, не будем больше о плохом, – закурил поручик сигарету. – У тебя-то как дела?

Насколько понял, еще служишь?

– Да нет, брат – ответил Николай. – Демобилизовался, следую на Родину, во Львов.

– Родители как, живы?

– А вот этого не знаю. Когда город освободили, отправил им несколько писем, но ответа не получил.

– Ясно. А где собираешься ночевать? На ночь выезжать опасно.

– Что-нибудь придумаю.

– А чего думать? – давай у меня. Есть жилплощадь.

– Не стесню?

– Обижаешь, – рассмеялся Новак. – Я пока холостяк и жениться не собираюсь. Вскоре мотоцикл стрекотал дальше.

Квартира поручика оказалась в пригороде, в небольшом доме, рядом с частью, где он служил. Заехали во двор.

– Дзен добри, пан Новак – певуче сказала из соседнего молодая полька, стиравшая белье в корыте.

– Добри, – ответил тот, отпирая ключом дверь, – заходи, Коля, располагайся.

Внутри было чисто прибрано и уютно.

– Послушай, – сказал бывший пограничник. – А давай снимемся на память? Тут неподалеку фотография.

– Можно, – кивнул Николай. – У меня за всю войну ни одного снимка.

– А кроме х/б* у тебя что-нибудь есть? – продолжил Ян. – Хотелось, чтобы выглядели мы на все сто.

– Имеется,– тряхнул чубом капитан, после чего вышел и вернулся с небольшим фибровым чемоданом.

Через несколько минут он стоял перед другом в синих галифе и кителе с золотыми погонами, на котором блестели орден «Отечественной войны», две «Красных звезды» и солдатская «Отвага»

– Богато, – поцокал языком Новак. – А у меня только медаль «Заслуженным на поле славы».

Надраив щеткой сапоги и, прихватив Рекса, вышли из калитки.

– Файный* капитан, – проводила их взглядом соседка.

В ателье снялись в полный рост, на фоне пейзажа с Вевельским замком.

– Карточки будут завтра в девять,– пообещал старый еврей в лапсердаке, чем-то похожий на пророка. Когда вернулись назад, Ян показал Николаю, где чистое белье, сообщив, что заступает до утра дежурным по части.

Пожав на прощание руку, и оставив на всякий случай ключ, прошагал под окнами. Хлопнула калитка.

Оставшись один, Исаев снова переоделся в х/б, вернув «парадку» в чемодан, и сварил на керосинке, пачку концентрата. Подождав, когда каша остыла, вышел во двор, где накормил овчарку.

Развешав стираное белье соседка (теперь она была в новой кофточке и юбке), подошла к разделявшей дворы ограде, оперлась на нее локтями, и, демонстрируя в вырезе высокую грудь, пригласила капитана зайти в гости.

– Угощу старой вишневкой, – добавила, играя бровями.

– Спасибо, у меня от нее изжога, – ответил Исаев.

– П- фф,– надула полка губы, и, развернувшись, ушла к себе в дом, громко хлопнув дверью.

Рассмеявшись, капитан вернулся в свой, где, вскипятив воды в чайнике и взбив помазком пену в стаканчике, побрился. Затем умылся под медным рукомойником на кухне, утер лицо полотенцем и, сняв гимнастерку с сапогами, завалился спать на диване в зале.

На восходе солнца он встал, оделся, черкнул Яну записку «вернусь к обеду», запер дом, положив ключ под порог, и вскоре мотоцикл с Рексом в коляске, пылил за городом, на юг. Вокруг стелились поля, в небе трепетал жаворонок.

Проехав тройку километров (начались ельники с березняком) Исаев ненадолго остановился, достал из планшета карту, развернул и уточнил маршрут.

Через час, следуя проселками, он заглушил машину на старой дороге, по которой давно никто не ездил. Справа от нее тянулось длинное, шириной в две сотни метров, поросшее осотом поле, за которым темнел лес. У его обочины, вдаль уходили покосившиеся колья с табличками. На ближайшей, размытая надпись «Mine!».

Пройдя к ней со следующей сзади овчаркой, капитан снял с головы фуражку и долго молча стоял, глядя на поле. Временами легкий ветерок колыхал розовые цветки осота, полынь, и другие, заполонившие его травы.

Затем Исаев обернулся назад, где за другой стороной дороги, в утреннем тумане виднелась низменность, после чего, вместе с Рексом, вернулся к мотоциклу.

Тот прыгнул в коляску, капитан нажал стартер (заработал двигатель), развернулся на дороге и на малых оборотах начал спускаться вниз.

Достигнув росшего впереди терновника, въехал в него, заглушил мотор, вынул из патронной сумки на коляске, бинокль.

Цейсовская оптика приблизила низину, где в дальнем конце, у буерака, стоял хутор. С крытым гонтом* приземистым домом, из трубы которого вился дымок, колодцем перед ним и хозяйственными постройками.

У одной из них, бородатый человек с вилами, метал стог.

– Живой сволочь, – скривил в гримасе губы капитан.

В марте сорок третьего, он вместе со своей группой возвращался с задания, подорвав в тылу немцев железнодорожный мост, по которому те подвозили к фронту живую силу и технику.

На отходе разведчиков обстреляла подошедшая мотодрезина, Генка Лебедев получил ранение в бедро и его, меняясь, несли на плащ палатке. Больше суток шел ледяной дождь, все до костей промокли. И решили зайти на этот хутор, перевязать раненого, да обсушиться.

Хромой, заросший сивой бородой, поляк, оказался радушным и приветливым, как и его хозяйка.

В печь тут же добавили дров, дали сухих тряпок на перевязку, а затем пригласили за стол, угостив салом с ржаным хлебом и сливянкой. Группу разморило, решили остаться до утра, а потом двинуть дальше.

Когда засерел рассвет, в хату вбежал дежуривший снаружи Жора Воропай, – немцы! А хозяев не оказалось, исчезли.

На середине пологого склона, ведущего к дальнему лесу, слышали за спиной гул мотора – на усадьбу въезжал бронетранспортер, из которого посыпались люди в касках и длинных шинелях.

– Ходу! – приказал Исаев.

Задышавшись и хрипя, выбрались наверх, обнаружив там уходящую в обе стороны заиндевевшую дорогу, а за ней поле, с этими самыми табличками. Немцы, развернувшись в цепь, шли по следу.

Вариантов было два: принять бой и навсегда здесь остаться или попытаться пройти по минам. Избрали второй. Мартовский снег был плотно слежавшимся, и редко проваливался.

Сначала все шло нормально: разведчики, таща за собой плащ палатку с раненым, добрались почти до середины. А потом, один за одним, ухнули два взрыва, разметав группу по стономам.

Очнулся старший лейтенант, когда на землю опускались сумерки. Впереди чернели воронки, а вокруг мертвые тела. Голова кружилась, в ушах стоял звон, на дороге никого не было. Мины сделали за немцев их работу.

Пожевав снега, пополз к опушке леса.

Через несколько дней вышел к своим, а оттуда попал в госпиталь, где поклялся вернуться и посчитаться за ребят. Теперь это время наступило.

Вернув бинокль на место, Исаев бросил Рексу «охраняй», а потом направился по траве вниз, к хутору.

– Дзень добри, – остановился позади хозяина, завершавшего работу.

Тот обернулся, побледнел, в глазах мелькнул страх.

– Узнал?– взглянул исподлобья капитан. – Ну а теперь вперед (кивнул на склон) и расстегнул кобуру «вальтера».

– Ме змусили, – прохрипел поляк.

– Я сказал, вперед!– приказал Исаев.

Двинулись вверх по склону, миновав терновник, вышли на дорогу – предатель оглянулся.

– А теперь через поле.

– Не можна, там мины, – еще больше побледнел дядько.

Щелкнул взводимый курок. Втянув голову в плечи, сначала медленно, потом все быстрее, тот зарылся к лесу.

Отбежал метров сорок, а затем рвануло, швырнув вверх землю и кровавые ошметки...

Следующим вечером Исаев пересек польскую границу на контрольно-пропускном пункте Рава – Русская и приближался к Львову. На душе было радостно и тревожно. Радостно, что наконец-то вернулся домой, тревожно за родителей.

К обеим сторонам дороги подходил густой дубовый лес, она была пустынной. Сбросив перед очередным поворотом газ, он краем глаза заметил в листве дерева на другой стороне, солнечный зайчик

В тот же миг оттуда раздался выстрел (мотоцикл съехал в кювет), с него сползло тело.

Через минуту, озираясь по сторонам, к тихо постукивающему «Цундапу» приблизились двое, в черной униформе и трезубцами на кепи. Один держал в руках шмайсер, другой – снайперскую винтовку.

– Гарно ты вцилив москаля, Пэтро, – хохотнул тот, что с автоматом.

– Сьогодні цэ дру... – начал второй и не закончил.

Из-за мотоцикла трижды грохнуло, – оба повалились на дорогу.

– Так-то лучше, – поднялся за коляской капитан, отряхивая колени. – Вставай Рекс, хватит притворяться.

Лежавшая рядом овчарка, вымахнула на дорогу и обнюхала лежавших. В первых сумерках, они въехали в город.

Глава 3. Гэрои Украины

Над Карпатами плыли звуки трембиты*, опускаясь на покрытые легкой дымкой буковые леса и зеленые, с горными речками полонины*.

– Тцу-ю-ю- у! – уносились в прозрачный воздух, а потом возвращались эхом.

На одной из них, на дальнем склоне белела отара овец, внизу стояла бревенчатая пастушья колыба* с двухскатной, из гонта, крышей. Рядом с постройкой, на домотканом ковре с узором, сидели трое, пили мутный самогон и закусывали соленой брынзой.

Первый был толстяк лет сорока, во френче УПА* с погонами сотника, на втором, усатом, чернел полицейский мундир с желтыми отворотами, а у самого молодого, с косым шрамом через лоб, на петлицах мундира белели вздыбленный лев и руны.

В нескольких метрах от них горел костер, над которым парил котел (в таких пастухи варят сыр), там, по горло в воде, сидел связанный человек.

Был он в рваной гимнастерке и с раной на голове. Сутки назад лейтенанта НКВД* захватили при конвоировании в Хуст арестованного бандпособника. Двух ехавших с ним бойцов убили, вилис* сожгли, а офицера взяли с собой для экзекуции.

– Ну шо, москаль, припекает? – спросил, опорожнив очередную чарку сотник.

– Сволочь, – прохрипело из воды.

Эсэсовец довольно загоготал и последовал его примеру, а полицейай нахмурился.

– Человека варить нельзя, – мрачно сказал он.

– Человека нельзя, а москаля можно, – парировал сотник.

– Именно, – поддержал его эсэсовец и обернулся к колыбе, – Васыль!

Из дверей возник старый овчар в гуцульской свитке, поклонился – слушаю.

– Подкинь дров, – кивнул тот в сторону костра. Овчар скрылся за постройкой, вернулся с охапкой сучьев и, отворачивая лицо от котла, выполнил приказ.

Через несколько минут вода в нем забурлила (сидящие внимательно наблюдали), а потом в небо полетел крик. Длился он бесконечно долго, на самой высокой ноте пресекаясь.

– Быстро сдох, – разочаровано вздохнул сотник.

– Наверное грешил много – ощерился провиднык. – Васыль!

Стоявший в нескольких шагах от котла гуцул вздрогнул.

– Когда уедем, зароешь эту погань в землю.

Затем все трое стали обсуждать предстоящую ночную акцию* по ликвидации группы самообороны, созданной из бывших фронтовиков в одном из ближних сел.

Ко времени описываемых событий организация украинских националистов и ее боевая организация УПА*, представляла собой грозную силу.

Созданная четверть века назад в Праге бывшими офицерами Австро-венгерской армии, она имела четкую систему связи и административную структуру.

Затем в тридцатых годах, основателям помогали итальянская тайная полиция, немецкая служба безопасности СД и военная разведка АБВЕР, готовившая кадры в своих школах под Берлином и в Варшаве. Эту структуру они доработали и отшлифовали.

В 1943 году совместный проект запустили на полные обороты. Советской армии пришлось затем уничтожать УПА численностью более ста тысяч человек. Чтобы иметь возможность содержать такую армию, оуновцы поступали следующим образом: брали за административную единицу село, в котором имелось не менее двухсот дворов. Если не набиралось столько, объединялось несколько, до нужного количества.

Далее националисты действовали по тройственной системе, то-есть, три села объединялись в станицу, три станицы в подрайон, три подрайона в район, три района в надрайон, три надрайона в виддил.

Надрайон и виддил являлись областными структурами, а вся территория Украины делилась на четыре части (луча). Во главе их стоял Центральный провод ОУН во главе с Провидныком. Основным являлся луч «Захид», включающий в себя Галичину* с Закарпатьем, другие считались второстепенными и поддержкой местного населения не пользовались.

Структура имела уровни и звенья.

Низовым являлось село – основа всей системы. На его базе существовали различные мастерские по всем видам ремонта, цеха переработки сырья и пошива одежды. Вся хозяйственная часть напоминала колхозы с совхозами.

После начала войны, бандеровцы не стали ликвидировать эти организации, а использовали как очень удобные для себя структуры. У них была жесткая плановая система.

Заранее давалось задание, кто и что должен вырастить, посадить, заготовить, а осенью сдать. Всей службой заготовки в селе руководил господарчий, который был главным заготовителем – хозяйственником. После заготовки все сдавалось под расписку станичному села. Тот был в роли председателя колхоза, ведающим всеми ресурсами.

Как правило, вся продукция хранилось в лесу, в схронах, на высоком, сухом, хорошо замаскированном месте. Все тщательно учитывалось, велись записи по приходу и расходу материальных ценностей и станичный точно знал – какими запасами, а также на какое число людей, он располагает.

При надобности он ехал в лес, доставляя оттуда нужное количество припасов, и распределял среди тех домов, у которых были на постое боевики. Обычно на селе стоял рой, соответствующий по числу взводу, поэтому размещение боевиков в селе не ложилось нагрузкой на семьи. Снабжением одеждой и продовольствием занимался станичный.

Особенностью являлось то, что все подразделения делились на две части – мужскую и женскую, у которых имелись свои господарчий со станичным.

Женщины занимались ремонтом и пошивом одежды, стиркой белья, перевязочного материала, уходом за ранеными.

Среди населения села, в обязательном порядке велась работа по разъяснению идей украинского национализма, которой занимались политработники ОУН. Помогали им в этом все священники греко-католической церкви, проповедуя послушание защитникам, несущим свободу и благополучие.

В каждом селе имелся пункт связи, находящийся в добротной оселе, владельцы которой именовались «пунктовыми». На нем неслось круглосуточное дежурство, так как любое время дня и ночи мог появиться связной с шифрованным донесением.

Связными в большинстве случаев являлись молодые девушки, легенда перемещения которых по маршруту тщательно отработывалась. Широко использовалась система условных знаков для внешних наблюдателей, находящихся вдоль дороги от села к селу в пределах видимости друг друга. В этой роли выступали мальчишки. Они же использовались для наблюдения за передвижением и местами дислокации советских войск.

Следующий уровень – станица, объединение трех сел. Ее руководство находилось в одном из них. Состояло из станичного, ведавшего размещением, постом и снабжением всем необходимым, сотни УПА, а также господарчого, обеспечивающего заготовки припасов в этих селах. В каждой станице находилась боевка службы безопасности из десятка человек, тщательно законспирированных – по виду, местных жителей.

Они отличались предельной жестокостью, убивая при малейшем подозрении на сотрудничество с советской властью. Имелся в них и следователь, получавший сведения от информаторов в селах, обрабатывавший их и при надобности передававший в СБ станицы или выше.

Содержатели пункта связи имели выход на вышестоящих «кэривыкив» и использовали в работе до двадцати связных. При этом активно велась идеологическая работа с населением. Для каждого возраста и пола имелся свой наставник, снабжающий подопечных агитационными материалами.

На уровне подрайона и района, в УПА сдержались кош и курень, соответствующие по численности стрелковому полку. Первый отличался от второго наличием артиллерии, а также механизированной техники. Районное с подрайонным руководство находилось в крупных селах, там же располагались штаб и командование куреня. При необходимости они могли уйти в лес, где имелись построенные при участии немецких инженеров бетонированные бункеры, хорошо замаскированные, с водой и электроснабжением.

На этих уровнях в ОУН-УПА существовала и своя прокуратура со следственным аппаратом, состоящая из выпускников юридических факультетов Львовского, Варшавского и Краковского университетов, украинцев по национальности, работавших в тесной связке с районными боевками службы «бэзпэки». Для проведения следствия имелись тайные тюрьмы, где содержались и подвергались пыткам задержанные.

В состав районной боевки входили десять-пятнадцать хорошо обученных и вооруженных лиц, по своей сути палачей, выполнявших карательные операции по распоряжению своего коменданта. Тот, в свою очередь, получал сведения для проведения акций, от следователей с прокурами.

Получали их и от своих людей, состоящих на мелких административных должностях в сельских и районных советах, на постах бригадиров, а также председателей колхозов. В городских военкоматах и НКВД, это были обычно технические работники: уборщицы, истопники, секретари-машинистки, повара в столовых для оперсостава.

Призывом в УПА руководили коменданты мобилизационных отделов.

Если в ней происходили ощутимые потери, по каналам связи станичным передавались требования на мобилизацию нужного количества людей, уклонение от призыва каралось расстрелом.

Особое внимание уделялось сотне «видважных юнакив» и такой же сотне «видважных дивчат» при отделе особого назначения. Это была настоящая кузница кадров ОУН-УПА. Вся молодежь делилась на три возрастных группы: 10-12 лет, 13-15 лет и 16-18 лет. У каждой имелись свои задачи, действия и специализация. Самых младших использовали в качестве наблюдателей, разведчики и связных, остальных, как диверсантов.

Хорошо оборудованные районные госпитали на сотню тяжелораненых, бандеровцы держали в труднодоступной лесной местности. Надрайонное руководство, в целях конспирации, находилось обычно в лесу, в своих бункерах, где имелось все для автономной жизнедеятельности: электрическое освещение, водопровод и канализацией, а также радиосвязь с западными кураторами

Помимо прочего существовали школы младших командиров и политических воспитателей. Центральный провод ОУН-УПА, находился в лесах Глевальского района Ровенской области, в хорошо оборудованном бетонном укрытии со всеми удобствами, возведенном под наблюдением инженеров Вермахта.

В городах влияние националистов было гораздо меньше, чем на селе. Там имелаась только служба внешнего наблюдения и связные. К тому же городское население, более грамотное и лучше разбиравшееся в политической обстановке, сотрудничать с бандеровцами не желало.

...Когда над вершинами Карпат заиграла красками вечерняя заря, а на окрестности опустились тени, полонина была пустая. Отара на дальнем склоне исчезла за отрогом, на месте костра дотлевали угли. Тройка, казнившая лейтенанта, на заседланных вороных конях, спускалась в долину. Примерно через час они въехали на окраину села, где из кустов лещины вышли два человека в мазепинках * и с винтовками.

– Слава гэроям, – негромко сказал один.

– Гэроям слава, – ответили с седел.

Затем всадники спешили и, оставив лошадей дозору, прошли задами к стоявшему в центре костелу, ступили внутрь. Меж рядами лавок направились к алтарю, перекрестившись на распятого Христа, а потом исчезли за неприметной дверью.

Внутри, с горящей свечой комнате, сидели двое: греко-католический священник в рясе и молодой парубок с ППШ, за поясом которого торчали две гранаты с длинными рукоятками. Снова прозвучало «слава», вошедшие уселись напротив.

– Докладай, Лесь, – прохрипел парубку сотник.

Тот, наклонившись, сообщил, что дома ястребков* окружены, хлопцы готовы к акции.

– Хорошо, – кивнул чубатой головой сотник. – Начинайте.

Лесь, а с ним эсэсовец и полицейай, встав, вышли. Через короткое время в разных местах села гулко прогремели взрывы, затрещали выстрелы, потом все стихло.

– Кончили предателей – довольно ухмыльнулся сотник.

Священник, по – волчьим блеснув глазами, смиренно перекрестился. Затем в храме послышались шаги, дверь, скрипнув, отворилась.

– Ну как, Лесь? – повернул голову начальник.

– Покидали в окна гранаты, а затем добили (утер рукавом лоб)

– Всех?

– Нет. В последней хате захватили одного и его семью.

– Пойдем, – грузно встал с лавки.

Дом, о котором говорили, стоял на окраине села, в глубине сада. Рамы выбиты взрывом, дверь сорвана с петель.

У беленой, с пулевыми отметинами стены, в ночной сорочке дрожала молодая женщина с младенцем на руках, рядом лежал окровавленный мужчина. Вокруг стояли несколько бандеровцев, во главе с эсэсовцем.

– Живой? – кивнул на лежащего сотник.

– Ну да, – ответил тот, – начинать?

– Приступайте с богом.

Носитель рун (он же начальник СБ) показал двоим, стоявшим ближе, на поднятый колодезный журавель усадьбы. Те ухватили раненого за ноги, волоком протащили по двору и вскоре ястребок раскачивался в ночном небе.

– Щенка, – приказал эсбист здоровенному, с низким лбом, детине.

Тот шагнул к рыдающей женщине, вырвал младенца, и, ухватив за ножки, разmozжил голову о косяк двери.

– Ну а эту, – взглянул сотник на потерявшую сознание мать, – отдай хлопцам, пускай потешат души.

Затем они с эсбистом и Лесем, пошагали по ночной улице к костелу. Хаты с погашенными оконцами слепо глядели вслед. По небу плыла желтая луна, а потом скрылась в облаках, затянувших небо...

Ближе к рассвету, в соседней, Ивано – Франковской области, на поросшем грабами склоне, майор в защитной фуражке наблюдал в бинокль раскинувшееся внизу село. Рядом лежал с полевой рацией ефрейтор, слева и справа, виднелись пилотки бойцов с оружием наизготовку.

Опустив бинокль, майор взглянул на наручные часы, встав, сделал отмашку, и по склону, охватывая низину кольцом, вниз двинулись солдаты. На середине, где-то на окраине хлопнул выстрел – цепь ускорилаь. Рота вошла в село, началась зачистка.

Следуя от двора к двору, бойцы тщательно осматривали хаты и надворные постройки, ворошили щупами, островерхние стога сена на подворьях. Хозяева стояли у дверей хат и кто хмуро, кто испугано, за всем наблюдали.

– Что ищет пан офицер? – подошел к майору, сдернув с головы шляпу, пожилой мужик в овечьей безрукавке.

– А ты вроде не знаешь, – прищурился тот. – У вас на селе боевка.

– Вот вам крест нету (перекрестился селянин).

– Ну-ну, – хмыкнул командир и приказал руководившему бойцами лейтенанту, – Голышев, продолжайте!

Тщательно прочесали все село, боевиков нигде не было. Между тем информация была достоверной и получена из надежного источника. Кроме того в кустах у дороги, спускавшейся в село, бойцы ликвидировали секрет*, но, к сожалению, один бандит, успел поднять тревогу. А чуть позже к майору подошел Голышев.

– Мне сейчас в одной хате дивчина шепнула, – они в колодце, что в проулке.

– Вон оно как – вскинул бровь майор. – Захвати пару бойцов, посмотрим.

Прошли в неприметный проулок меж двух хат, остановились у дубового сруба с воротом, все внимательно осмотрели. На донце висевшего на цепи ведра, обнаружили едва приметный след подошвы.

Офицеры заглянули вниз, прислушались – только далекий стук капель.

– А ну-ка, Лукин, дай мне противотанковую гранату, – протянул майор назад руку.

Сержант, сняв с ремня, передал. Командир, выдернув чеку и, придерживая откидную планку, опустил ее в колодец (группа отошла чуть в сторону).

Внизу ухнуло, вверх полетели куски мокрого дерева с илом, а потом донесся невнятный крик.

– Нужно спуститься и проверить, – сказал майор, когда все стихло.

– Разрешите мне, – достал из кармана фонарик лейтенант. Тот молча кивнул.

Быстро доставили веревку, обвязав ею Голышева, начали спускать.

– Стоп! – глухо сказал в метре от воды.

Там он обнаружил пролом в срубе, осмотрел и влез внутрь. Луч фонаря осветил обшитый тесом, воняющий тротилом бункер, на полу которого были разбросаны окровавленные тела.

Выбрался наружу, крикнул, – тяните, и исчез сверху.

Спустя час, на траве перед колодцем, лежали пять мертвых боевиков, а рядом сидели еще три контуженных, со связанными руками. Здесь же находилось и их оружие: два ручных пулемета, три ППШ, карабины и ящик патронов.

– Лукин (обернулся майор к сержанту), – приведи мне того, который божился.

Через минуту селянин стоял перед офицерами.

– Ну, что скажешь? – кивнул майор на убитых.

Тот угрюмо молчал, дрожа пальцами.

– В таком разе поедешь с нами, как бандпособник. Голышев, убитых оставляем, они их кормили, пусть и хоронят, пленных с оружием в машины. На середины улицы, уже стояли три студебеккера с тентами, началась погрузка.

Снова Закарпатье. День. Висящее в зените солнце чуть затеняли молочные облака, по земле плыли тени, где-то в лесах отсчитывала года кукушка.

Обратным путем на ту же полонину, верхом следовали сотник с начальником СБ и полицаем, за ними, в пешем порядке Лесь со своим роем, всего человек тридцать. Летом они базировались в пастушьей колыбе, там имелось все необходимое, а зимой отсиживались в окрестных селах.

– Хорошо мы сегодня отработали, Драч – сказал едущему рядом эсбисту, сотник.

– Отменно, – дернул тот уздечку буланого коня. – С ястребками в Олышанах покончено навсегда.

– Сегодня будем отдыхать, – покачивался в седле главарь, – а завтра продолжим. Кстати, Шпак (обернулся к полицая) – ты грэипс* пану куричному отослал?

– Ну да, – кивнул тот, – з Маричкою.

– Лихая дивчина, – ухмыльнулся Драч. – Сегодня третьего краснюка пришила. Доколола вилами.

В середине подъема все трое взглянули на верхушку скалы слева, откуда по камням скакал поток. На ней белел меловой камень.

– Чисто, – сказал эсбист, движение продолжилось.

Наконец добрались – впереди серела бревнами колыба, далеко в стороне щипала траву отара, рядом с ней пастух с герлыгой, наигрывал на сопилке. В воздухе весело и задорно разносились ее звуки.

Маричка, ты Маричка,
Люблю тэбэ за вроду,
Люблю дывытыся,
Люблю дывытыся,
Колы идэш по воду!

в унисон заорал кто-то из бандитов, остальные весело загоготали.

Когда до жилья оставалось метров пятьдесят и лошади ускорили шаг, его дверь внезапно распахнулась, навстречу кинжальным огнем ударил пулемет, а с флангов зачастили автоматы.

Передних срубило, как косой, остальные, отстреливаясь, начали разбегаться, но спасения нигде не было. Кругом было открытое пространство.

Звонящая тишина. Перед колыбой и дальше, валялись разбросанные тела, по тропинке вниз, заволокло мчались, с пустыми седлами, кони.

Из жилья вышел с дымящимся «дегтярем» в руках, смуглый лейтенант, за ним, капитан и несколько автоматчиков; с флангов появилось еще два отделения бойцов с малиновыми погонами.

Они оцепили поле боя, капитан с лейтенантом прошли внутрь и осмотрели убитых. Те были в самых разных позах: одни на спине, другие на боку или скрюченные. На побелевших лицах застыли отчаяние отчаянье и ужас. У раскинувшего руки сотника, оба останавливаются.

– Поднимайся, мразь, – процедил капитан. – Быстро!

Тот встал на ноги, подняв руки.

– Швец, – обернулся назад лейтенант. – Уведи его.

Один из бойцов подошел, толкнул прикладом в спину, – пшел!

Лежащих рядом эсбиста с полицаем, прошила пулеметная очередь, из ран еще текла кровь, их миновали. Кроме притворившегося мертвым главаря, обнаружили четверых раненых. Оказав помощь, тоже увели.

Затем офицеры вернулись к колыбе, приказав собрать оружие и документы. Там, присев на тесаное бревно у входа, вытянув ноги, закурили. Капитан был старшим оперуполномоченным областного управления НКВД, лейтенант командовал приданными для операции бойцами.

– Может, шлепнем, того борова, что при погонах, капитан? – затыкнул папиросой лейтенант. – Чую, матерый зверюга.

– Угадал (пустил носом дым оперативник). Мы за ним шестой месяц гоняемся. А знаешь, какой имеет псевдоним?

– Нет.

– Журавель.

– Почему так?

– Любит вешать людей на рычагах колодцев. Только шлепнуть, никак нельзя. Много знает.

– Думаешь расскажет?

– У нас да, можешь не сомневаться.

Из колыбы появился старый гуцул, несший в руках две глиняных чашки с кислым молоком, – угостил офицеров. Пока они пили, подошел к сотнику, минуя часового, и пристально взглянул в глаза. Тот отвел свои в сторону.

Затем, вернувшись, рассказал о том, что случилось накануне. Лейтенант побледнел, а затем, бросился к Журавлю, сбил кулаком с ног и начал охаживать по ребрам сапогами.

– Остынь, – оттащил его капитан, и старику, – веди нас. Вскоре из ближнего леса, угрюмые бойцы принесли завернутое в плащ палатку тело.

На следующее утро в областном управлении НКВД состоялся допрос сотника. Управление размещалось в здании, которое в период оккупации занимало гестапо.

В его подвальном этаже, в кабинете без окон за столом сидел следователь, в гражданском костюме и очках, похожий на бухгалтера, просматривавший какие-то бумаги, напротив, на табурете, угрюмый сотник, а позади, белобрысый крепкий боец в гимнастерке без пояса.

– Значит так, Журавель, твои подельники уже все рассказали (продемонстрировал следователь документы). Но меня интересует твоя настоящая фамилия и автобиография.

– Я их забыл, – исподлобья взглянул на него бандеровец.

– Алкснис, напомни.

Боец обошел табурет и врезал кулаком Журавлю в челюсть – сотник кубарем покатился к двери. Направился к нему, стрел за грудки, повторил и снова усадил на место.

– Ну, так как? – невозмутимо продолжил следователь.

Допрашиваемый выплюнул на пол зуб, утер окровавленный рот и прохрипел, – Медведь Михаил Карпович, родился в 1903 в Тисменице Ивано-Франковской области, окончил торговую школу в Станиславе, после чего замолчал.

Следователь взглянул на бойца – опять мелькнул кулак, оуновец рухнул на пол.

– Послушай меня, Медведь (вдохнул), когда Алкснис водрузил того на табурет. – Будешь запираяться, он тебе яйца сапогом раздавит. Ну, так что дальше?

Далее арестант сообщил, что он член ОУН с 1933 года, в войну служил в спец батальоне «Нахтигаль»* взводным, а теперь надрайонный проводник.

– Четы, боевки и схроны в районе? Быстро!

– Проводник назвал. Допрос продолжался.

Спустя еще неделю, на главной площади Ужгорода, при большом стечении народа, состоялась казнь захваченных бандитов. В центре стояла виселица, к которой подогнали две полуторки с ними и солдатами комендантского взвода.

Затем председатель военного трибунала громко зачитал приговор, на шеи осужденных одели петли, в кузовах открыли задние борта. Урча моторами, грузовики медленно тронулись вперед, «гэрои», хрипя, засучили в воздухе ногами.

Глава 4. Война после Победы

Как и Краков, Львов от войны особо не пострадал. Во время наступления Красной Армии летом 44-го, подпольная организация армии Крайовой подняла там вооруженное восстание.

Одновременно две советских танковых армии с десантом, начали обходить город с севера и юга. Под угрозой полного окружения, командующий немецкой группировкой отдал приказ оставить Львов, куда 27 июля вошли войска 1-го Украинского фронта маршала Конева.

На первой же улице, Исаева остановил вооруженный патруль. Выяснив, что капитан демобилизован из армии и прибыл к месту жительства, его старший – офицер, сообщил, что в городе действует комендантский час.

– Так что следуйте в нужный адрес и до утра из дома желательно не выходить. Ночью в городе и его окрестностях опасно, – сказал, возвращая документы.

– Это я уже понял, – спрятал их в нагрудный карман Исаев и, включив передачу, тронул с места. Фара мотоцикла высвечивала брусчатку, высокие по сторонам здания, со шпильями и остроконечными крышами, с темными слепыми окнами.

Миновав «Старый город» (там документы проверили еще раз), свернул на проспект с цветущими липами, тускло освещенный редкими фонарями, а оттуда на темную улицу, въехав через арку во двор.

Он был небольшим, с двухэтажным облупившимся флигелем прошлого века, каретным сараем и глухой, меж ними, каменной стеной, вдоль которой росли несколько старых берез. До войны флигель занимали шесть семей, включая Исаевых. А сарай использовался для хранения дров и заготовок на зиму.

Остановив «Цундап» у подъезда, капитан заглушил двигатель, выключил фару и, с бьющимся сердцем, вместе с Рексом поднялся на второй этаж, куда выходили три двери. Прошел к средней, постучал – тишина. Еще раз, она стала звонче.

Вынул из кармана ключ (берег всю войну), отпер дверь и вошел в полную темноту, – отец, мама! Никакого ответа.

Нащупал сбоку выключатель, на потолке вполнекала зажглась лампочка, высветив прихожую и часть зала с мебелью. Позади скрипнула входная дверь – оглянулся.

За ней, обернутая шалью, на офицера испуганно глядела миниатюрная старушка.

–Тетя Азалия?

– Коля! – бросилась та вперед, прижалась к его груди и заплакала.

– Ну-ну, зачем так, я же вернулся – погладил ее по худеньким плечам. – А где мои?

– Нету (подняла на него заплаканные глаза).

Чуть позже они сидели на кухне с засохшим фикусом, где соседка рассказала, что до весны 44-го его родители оставались здесь, как и она, поскольку не успели эвакуироваться. Помогали друг другу, чем могли, ждали прихода наших.

Одним утром Исаевы пошли на центральный рынок, надеясь выменять продукты, но вместо этого попали в облаву. Накануне подпольщики убили крупного немецкого чина и их, в числе еще девятнадцати мирных граждан, взяли в заложники.

– Там же, у стены, всех и расстреляли, – всхлипнула старушка (капитан отвердел скулами).

– Но мы, Коля, – продолжила Азалия Петровна, – твоих похоронили. С другом отца, из второй квартиры, Василем Карповичем, ты его знаешь.

– Где?

– На Яновском кладбище, могилку я покажу. Затем соседка ушла к себе, а Николай до утра просидел в зале. С выцветшего ковра, на него грустно смотрел Рекс.

Утром, захватив с собой тетю Азалию с дядьком Василем и оставив овчарку в квартире, выехал на кладбище. Могила родителей – осевший холмик с покосившимся крестом, была в его конце, со многими свежими.

Остановив мотоцикл рядом, капитан слез с седла, снял фуражку и долго стоял молча. Сказав старикам «помянем», достал из багажника бутылку водки, четверть кирпича хлеба и солдатскую кружку. Выбив ладонью пробку, наполнил кружку доверху, протянув ее соседу.

– Земля вам пухом, – сказал тот, глядя на могилу, и сделал несколько глотков.

То же сказала и Азалия, чуть пригубив. Николай допил без слов.

– А расстреливали их украинцы с «Галичины»*, – нахмурился старик. Те еще звери.

– Я запомню, – ответил капитан. – Такое, не забывается.

Вернувшись домой, отдал часть оставшихся продуктов старикам (Львов жил по карточкам), заправил примус бензином, сварив каши, накормил четвероногого друга, а потом решил устроить приборку. Когда у Исаева было тяжело на душе, он занимал себя работой. Она отвлекала, и успокаивала.

Помимо прихожей с кухней, в квартире имелись две комнаты, обставленные простой, но удобной мебелью, вода с канализацией, а также дровяная печь с камином. В трехстворчатом шифоньере отсутствовали многие вещи родителей (наверное их обменяли на еду), но сохранились несколько его сорочек, выходные туфли и коричневый, с золотистой нитью, шевиотовый* костюм.

Вынув из кладовки ведро со шваброй и тряпки, для начала смахнул везде пыль, затем вымыл пол и, отворив окна, проветрил жилище. Потом, прихватив ключ от их секции в сарае, вместе с Рексом спустился вниз. Отперев заржавевший навесной замок, распахнул одну половину двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.